ХХIII,4г
Б-438
930
930

КОМУ ПРОЛЕТАРИАТ СТАВИТ ПАМЯТНИКИ

И. Белоусов.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

ДВГНБ
БИБЛИОТЕКА
ХАБАРОВСК. КРАЕВОЙ
ГОС. МУЗЕЙ

Отдел Печати Московского Совета Р. и К. Д.
МОСКВА.
1919.

ЭР03403

ДВГНБ

ЭР03403

КОМУ ПРОЛЕТАРИАТ СТАВИТ ПАМЯТНИКИ

92
Ш37
XXIII, 4г
Б 438
226493
f0
1

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

И. БЕЛОУСОВ.

ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО

ДВГНБ

БИБЛИОТЕКА
ХАБАРОВСК. КРАЕВОГО
ГОС. МУЗЕЯ.

Моск. Сов. Р.К.Д.

Д-В. Краевая
Научная
БИБЛИОТЕКА

Отдел Печати Московского Совета Р. и К. Д.
МОСКВА
1919.

ДВ
государственная
научная библиотека

ЭР03403

ДВГНБ

10 кн Госуниверситетская Типография.

ЭР03403

ТАРАС ШЕВЧЕНКО.

Скульптура *С. М. Волнухина*.

ДВГНБ

ЭР03403

ДВГНБ

ЭР03403

Тарас Григорьевич Шевченко.

25 февраля 1861 года в небольшой квартирке при С.-Петербургской Академии Наук было тихо,— только с антресоль слышались болезненные вздохи и повременам сдержанные стоны больного.

В квартиру то и дело входили люди, подавали письма и телеграммы...

Больной этот был украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко; входившие люди—его друзья, почитатели, пришедшие поздравить своего дорогого поэта со днем рождения и именин.

Именинник сидел на кровати, опустив голову, и то и дело схватывал себя за больную грудь. Доктора, насколько было возможно, старались облегчить страдания больного, но всем окружающим было ясно, что часы его сочтены.

Почти всю ночь Т. Г—ч провел, сидя на кровати, упершись в нее руками, и не в силах был прилечь от боли. В 5 час. утра он попросил себе стакан чаю с молоком, выпил его, потом сошёл вниз в свою мастерскую, упал там,—и народного поэта Украйны не стало!..

Весть о кончине поэта быстро дошла до Украйны: в городах служили панихиды, на собраниях говорили речи о покойном; только в сёлах да глухи

ЭР03403

деревеньках нескоро еще услыхали эту горестную весть. Попрежнему там жили люди, работали под гнетом крепостничества и не знали о смерти того, кто всю свою жизнь болел за них душою, страдал сердцем.

Нескоро услыхали о смерти Шевченко и в дер. Моринцах, Звенигородского уезда, Киевской губернии, где 25 февраля 1814 года у крепостного крестьянина Григория Шевченко и родился этот самый знаменитый поэт — Тарас; он был третьим ребенком у Григория; первым был сын—Никита, а вторым—дочь Катерина. Вскоре после рождения Тараса, Григорий переселился на жительство в с. Кирилловку, где и протекли первые младенческие годы поэта.

Вот как сам Шевченко описывает свое детство:

„Передо мною наша бедная, старая, белая хата с потемневшей соломенной крышей и черным „дымарем", а около хаты—яблоня с краснобокими яблоками, а вокруг яблони цветник, любимец моей незабвенной сестры, моей терпеливой, моей нежной няньки. А у ворот стоит старая развесистая верба с засохшею верхушкою, а за вербою „клуня" (сарай), а за „клуней" по косогору пойдет уже сад, а за садом „левада" (сенокос), а за „левадою" долина, а в долине тихий, едва журчащий ручеек, уставленный вербами и калиною, окутанный широколистными, темно-зелеными лопухами. А в этом ручейке купается кубический белокурый мальчуган; выкупавшись, вбегает в сад, падает под первою грушею и засыпает.. Проснувшись, он смотрит на противоположную гору и думает: „А что же там за горою? Там, должно быть, те железные столбы, на которых держится небо?" И пошёл этот мальчуган —Тарас—к железным столбам; долго шёл, до

ЭР03403

самой почи, а столбов все не было видно. На другой день снова отправился Тарас, да и заблудился. К его счастью, ему попались на дороге чумаки (извозчики) и подвезли его до Кирилловки. „Когда я пришел домой, — рассказывает Шевченко, — то старшая сестра подбежала ко мне, схватила меня за руки и повела через двор и посадила „вечерять" (ужинать). Повечерявши, сестра повела меня спать, уложила в постель и поцеловала"...

Эти воспоминания относятся к шести-семилетнему возрасту Тараса; тогда ему жилось хорошо. Хотя матери и не было времени заниматься с ним, зато у него была сестра Ирина — „терпеливая, нежная нянька" его.

В 1823 г. умерла мать Шевченко, и с этого года в жизни маленького Тараса произошла большая перемена: отец его женился на вдове с детьми; пошли раздоры; мачеха не взлюбила Тараса; но отец не переставал заботиться о сиротах, оставшихся без родной матери: он отдал Тараса учиться грамоте к мещанину Губскому. Грамота далась мальчику сразу, но успехам в обучении мешали нескончаемые шалости и проказы. К тому же учение это прервалось, благодаря горестному обстоятельству: умер Григорий Шевченко, когда сыну его Тарасу минуло только 11 лет. Перед смертью Григорию Шевченко хотелось чем нибудь обеспечить своих детей, и когда при разделе крестьянского имущества дошла очередь до Тараса, то отец сказал: „Сыну Тарасу из моего хозяйства ничего не нужно: он не будет каким-нибудь обыкновенным человеком, — из него выйдет или что-нибудь очень хорошее, или же никуда негодное"!..

После смерти мужа, мачеха, чтобы избавиться от лишнего рта, постаралась сбыть Тараса из дома;

ЭР03403

она нашла ему занятие—пасти свиней, телят и овец кирилловских крестьян. С ломтем черного хлеба за пазухой, с кнутом в руках мальчик целые дни проводил на пастбище, где только одни „могилы"-курганы „стоят и сумуют" (грустят).

Тарас любил эти безмолвные „могилы"; ляжет, бывало, в траву, подопрет голову ручёнками и смотрит долго-долго в синюю даль. Эти родные картины привольных степей так резко запечатлелись в детском мозгу, что через много лет припомнились поэту и вылились в чудных, вдохновенных стихах.

Но вот наступила зима,—Тарас опять остался без дела; мачеха, чтобы выжить из дома пасынка, отдала его в ученье к дьячку Бугорскому, где Тарас изучил Часослов и Псалтирь, а потом перешёл к священнику Нестеровскому, у которого выучился письму. В прекрасном стихотворении „Доля" Т. Г—ч упоминает об этом обстоятельстве:

„Ты не лукавила со мною:
Ты другом, братом и сестрою
Была бедняге. Ты взяла
Еще дитей, меня за руку
И в школу хлопца отвела
К дьячку разгульному в науку.
„Учись! Современем, дитя,
„Людьми мы будем",—ты сказала
Я стал учиться,—верил я,—
И научился... Ты же солгала:
Что мы за люди?—Нужды нет!
Мы не лукавили с тобою,
Мы прямо шли, и за собою
У нас зерна неправды нет.
О доля, да, ты не лукава!
Тебе, как другу, верю я!
Идем же дальше,—дальше слава
А слава—заповедь моя!..

(Пер. Н. Гербеля).

ЭР03403

От дьячка Шевченко сбежал и долгое время скитался без крова, ночуя в садах, куда сестры носили ему хлеб. Потом он бежал в м. Лисянку к дьякону-живописцу. Страсть к рисованию у Шевченка тогда уже пробудилась. Но у дьякона Тарас прожил только четыре дня и переселился в Стеблов (Каневского у.), а потом в м. Тарасовку.

Наконец, Шевченко снова попадает на родину. Старший брат Никита хотел приучить его к хозяйству, но подвижная натура поэта не сродни была упорному и постоянному труду. В это время помещик, которому принадлежал Шевченко, вздумал из своих крепостных набрать несколько юношей для домашних услуг и поручил это дело своему управляющему. В эту дворню и попал Шевченко; его отправили к барину в г. Вильно, где Шевченко дали должность поваренка, а потом сделали „комнатным казачком"; а когда барин заметил у Шевченко наклонности к художеству, то отдал его в науку к портретисту Ламии в Варшаве. С переездом барина в Петербург, Шевченко попал к художнику Ширяеву и в это время познакомился с малорусским писателем Е. Гребенкой, а через него—с художником Венециановым и нашим поэтом В. А Жуковским, который принял в Шевченко большое участие: он познакомил Шевченко с известным художником К. П. Брюловым и упросил Брюлова написать с себя портрет, который был разыгран в лотерею и на вырученные деньги Шевченко был выкуплен из крепостной зависимости. Сделавшись свободным, Шевченко, благодаря участию Брюлова и Жуковского, стал посещать классы Академии Художеств.

Приблизительно с этого времени Шевченко начал писать стихи на малорусском языке.

ЭР03403

„Украинская строгая муза,—говорит Шевченко,—долго чуждалась моего вкуса, извращенного жизнью в помещичьих передних, на постоялых дворах. Но когда предчувствие свободы возвратило моим чувствам чистоту первых лет детства, проведенных под убогою батьковскою стрехою, она (муза) обняла и приласкала меня на чужой стороне“...

Вот как в своих стихах Шевченко определяет свою музу:

И ты прекрасная, святая,
Подруга солнца молодая,
Меня в об'ятия взяла
И, с колыбелью разлучая,
Далеко в поле отнесла.
Там на могилу положила,
Туманом сизым обвила,—
И по раздолью ворожила,
И петь, и плакать зачала...
То были чары чаровницы!
Везде и всюду с этих пор,
Как светлый день, как луч денницы,
Горит на мне твой дружный взор!

. . . . . .

Золотокрылой, дорогой
Ты пташкой надо мной парила
И душу мне живой водой
Ты благотворно окропила!
Пока живу я,—надо мною
Своей небесною красою
Свети же, зоренька моя!
Моя заступница святая,
Моя отрада неземная,
Не покидай меня! В ночи
И ясным днем, и вечерами
Ты людям истину учи
Вещать неложивыми устами
За край любимый, край родной
Мне помоги сложить молитву,
И в самый час последний мой

ДВГНБ

ЭР03403

Как я закончу жизни битву,
Не покидай меня,—пока
Последний свет в очах не стынет,
Поплачь о мне хотя слегка,—
И горсть земли твоя рука
Пускай тогда на гроб мой кинет!..

(Перев. Н. Курочкина)

В 1843 г. Шевченко отправился на родину; первое время он начал усердно посещать богатых помещиков, которые большую часть времени проводили за картами и выпивкой. Шевченко первое время разделял компанию с этими „господами", а потом разочаровался в них: крепостной гнет, который поэт видел на каждом шагу, отравлял минуты его существования.

Был один характерный случай, происшедший с Шевченко при посещении им одного богатого пана: пришел он с одним своим приятелем и увидал в передней дремавшего на скамейке слугу. К несчастью, его хозяин выглянул в дверь, увидал оплошного раба и разбудил его собственноручно, по-своему, не стесняясь присутствием гостей, и Шевченко ни слова не сказал, не поздоровался даже с хозяином, надел шапку и ушел.

Другой подобный случай произошёл с помещиком Лукашевичем:

Однажды в суровую зиму Лукашевич прислал своего крепостного человека к Шевченку (за 30 верст расстояния) по какому-то неважному делу и строго наказал ему возвратиться с ответом в тот же день. Узнав о таком бесчеловечном приказании слуге, Шевченко не хотел верить своим ушам; но факт был налицо,—и ему пришлось горько разочароваться в человеке, которого он уважал и считал за порядочного. Шевченко написал Лукаше-

ЭР03403

вичу письмо, полное желчи и негодования, и заявил, что навсегда прекращает с ним знакомство...

Крепостник Лукашевич ответил Шевченко письмом, где было ясно сказано: „таких олухов, как ты, у меня 300 душ".

Первое время, когда Шевченко рассказывал кому-нибудь об этом случае, то плакал, как ребенок.

В следующем году Шевченко снова был на родине; на этот раз он из'ездил большую часть Украйны, побывал у всех своих родных; все встречали его с приветствиями и спешили взглянуть на своего Кобзаря.

В 1846 г. весною Шевченко приехал в Киев, где познакомился с известным историком Н. И. Костомаровым.

„В это время,—говорит Костомаров—мою душу занимала идея славянской взаимности, и мы решили создать общество, которое преследовало бы цели соединения славянских народов в одну федерацию. Собирались в квартире украинского писателя Н. Гулака, рядом с которым жил какой-то неизвестный господин по фамилии Петров; он сделал донос, и все члены были арестованы, в том числе и Шевченко.

Между прочим, арест Шевченко был произведен так: он был на другом берегу Днепра, в Черниговской губ. и, когда переправлялся на пароме через Днепр в Киев, был задержан полицейским чиновником.

Рассказывают, что вместе с Шевченко ехал на пароме его знакомый, который знал о предстоящем аресте и в то же время ему было известно, что Шевченко постоянно возит с собой свои рукописи. Знакомый посоветовал Шевченко сбросить чемоданчик с рукописями в Днепр.. но Шевченко не

ЭР03403

согласился это сделать и на киевском берегу был арестован вместе с чемоданом, в котором, действительно, находилось одно из ярких и жестоко обличающих правящий класс произведений—поэма „Сон".

В начале апреля 1847 г. Шевченко был доставлен в Петербург и посажен в Петропавловскую крепость, в которой, вместе с Костомаровым, просидел до конца мая.

Здесь Шевченко изливал свои думы и, между прочим, 19 мая написал простое и прекрасное стихотворение, которое посвятил Н. И. Костомарову.

Поводом к написанию этого стихотворения было то, что Шевченко увидел сквозь решётку своей камеры мать Костомарова,—старушку, идущую навестить своего сына.

30 мая друзья—соузники Шевченко, увидали из окон, как вывели его на двор в солдатской шинели и посадили на телегу,—Шевченко ссылали в Оренбург.

От Петербурга до Оренбурга более 2000 верст. Фельд'егерь, сопровождавший Шевченко, проехал это пространство в 10 дней;—9 июня он доставил своего узника в Оренбург, где Шевченко был назначен в Орскую крепость.

300-верстное расстояние до Орска Шевченко сделал „этапным порядком", и в Орске был зачислен в 5-линейный батальон, как поднадзорный солдат.

В формулярном списке Шевченка значилось, что он сослан „под строжайший надзор с воспрещением писать и рисовать, чтобы от него ни под каким видом не могло выходить никаких возмутительных пасквильных сочинений.

Шевченко поселили в общей казарме—сырой и тесной—вместе с другими солдатами. Спал он на

ЭР03403

голых нарах; каждый день выходил на „муштру" (ученье) на плац, изучал „словесность". Измученный за день, он валился на нары, но долго не мог заснуть: в тишине ночи муки терзали его душу. Эту казарменную жизнь мы не можем описать так ярко, как описал её сам Шевченко в своем стихот. „Козачковскому".

„Трудно, тяжело, — говорит в своих записках Шевченко,—невозможно заглушить в себе всякое человеческое достоинство, стоять на вытяжку, слушать команду и двигаться, как бездушная машина"...

Читать у Шевченко в первое время почти ничего не было.

„Тоска да и только! Читать?—хоть бы насмех одна буква! Не плачу, а что-то худшее происходит со мною"!.. писал Шевченко в письмах к друзьям.

Письма ему дозволялось писать, но они цензуровались начальством.

Тяжело шли дни, месяцы и годы заключения Шевченка. „Все беды упали на мою голову,—говорит он,—тоска безнадежно давит сердце. Переболевши ревматизмом, цынгой, теперь болею зубами и глазами. Я с самой весны не слыхал родного слова, хоть бы раз еще взглянуть на народ свой!"—восклицает поэт и в то же время чувствует своим сердцем, что у него на родине несладко живется народу в ярме крепостной зависимости: „Скверно, очень тяжело погибать здесь в пустыне, но еще хуже на Украйне—смотреть, плакать и молчать".

Шевченко, тоскуя о том, что зепрещение писать и рисовать было в силе, обратился к генералу Дубелиту с просьбой: „Я прошу одной великой милости,—позволения рисовать. Я в жизни мо-

ЭР03403

ничего преступного не нарисовал. Вы, как слепому, откроете мне глаза, оживите душу"... Но эта просьба осталась без удовлетворения, и вновь потянулись долгие годы заключения со многими превратностями, которые зависели от людей, власть имеющих над ссыльными.

Порой он приходил в отчаяние, и вот что писал в это время: „родился я и вырос в неволе, да и умру, кажется, солдатом!.. Какой-нибудь да был бы конец, а то, право, надоело"!

В Петербурге друзья поэта хлопотали об его участи, но власти были непреклонны.

Умер царь Николай I, воцарился Александр II; были помилования, но Шевченко оставался в прежнем положении. „И отчего же это я не вычеркнут из реестра мучеников?", спрашивал Шевченко и не получал ответа, и жизнь в смердячей казарме продолжалась попрежнему, с „муштр ю" каждый день.

Наконец, друзья поэта добились помилования его, и 22 июля 1857 г. Шевченко освободили, но запретили ему жить в столицах. Опять начались хлопоты и кое-как удалось добыть разрешение на жительство в Петербурге, где он устроился при Академии Наук и стал заниматься живописью, но он, пробывши в неволе около 10 с половиной лет, устал, измучился и ему захотелось отдохнуть на родине.

Началась горячая переписка с братом Варфоломеем; поэт торопит его с покупкою клочка земли.

Варфоломей Григорьевич нашел подходящее место близ г. Канева на высокой горе. Но Шевченко чувствовал, что одинокому человеку будет пусто жить в новой хате и решил жениться. Ему советуют взять жену из образованного круга, но он

ЭР03403

отвечает „Я по плоти и духу сын и родной брат нашего бесталанного народа,—так, как же я могу соединиться с панскою кровью?“

В Петербурге Шевченко сам нашел себе невесту,—крепостную девушку у своих знакомых., но сватовство вышло неудачным и помолвленные жених с невестой разошлись *).

Заботясь о своих делах, Шевченко не забывал и родных,—он горячо хлопотал об освобождении их от крепостной зависимости; были хлопоты у него и по изданию „Кобзаря“, который и появился в 1860 г.

От „Кобзаря“ в Малороссии были в восторге: „У нас чуть не по „Кобзарю“ и богу молятся“,—писали из Полтавы.

В конце 1860 г. Шевченко начал прихварывать; доктора определили водянку и советовали беречься. Поэт нигде уже не появлялся и не выходил из дома.

„Вот, если-бы мне добраться до Украйны,—там я бы поправился“,—говорил он друзьям, собравшимся поздравить его в день именин 25 февраля, а на другой день его уже не стало.

Сначала Шевченко похоронили в Петербурге на Смоленском кладбище, а потом, помня завет поэта, выраженный в его стихотворении „Завещание“, перевезли прах его на Украину и похоронили на том месте, где он мечтал поселиться: на берегу Днепра, на высоком кургане близ г. Канева...

*) Бывшая невеста Шевченко Лукерья Ивановна Полусмакова жива до сих пор. Она, во время торжественных поминок по Шевченке, по случаю 50-летия со дня его кончины приезжала в Москву,—это была еще бодрая, высокого роста старуха

ЭР03403

И теперь одиноко белеет крест на стародавней казацкой могиле, а под горою старый Днепр катит свои волны и, ударясь ими о берег, словно рассказывает печальнику народному, как живут его братья—люди...

* *
*

„Широкоплечий, приземистый, коренастый Шевченко являл собою весь образ казака. Голова остроконечная, почти лысая; высокий, морщинистый лоб, широкий, так называемый, „утиный" нос, густые усы, закрывавшие губы, небольшие серые глаза, взгляд которых, большею частью угрюмый и недоверчивый, изредка принимал выражение ласковое, почти нежное, сопровождаемое хорошей, доброй улыбкой; голос несколько хриплый, движения спокойные, походка степенная, фигура мешковатая и мало-изящная. С высокой бараньей шапкой на голове, в длинной темно-серой чуйке с воротником из мерлушек, Шевченко глядел чистым малороссом... Вот какими чертами запечатлелась у меня в памяти эта замечательная личность"... говорит в своих воспоминаниях И. С. Тургенев.

Да, действительно, это была замечательная личность! Сколько было простоты, душевности, искренности в этой мешковатой фигуре! Сколько дум было передумано этой головой под высокой бараньей шапкой! Какое доброе, честное сердце билось в груди этого человека.

Несмотря на свою облысевшую голову, на седые усы, он был дитя,—и детей он любил беззаветно и нежно!.. Однажды, когда он приехал в Киев, у него не было ни копейки денег; он даже не знал, где ему переночевать. Пошёл он на окраину горо-

22693

ЭР03403

Д-В. Краевая
Научная
БИБЛИОТЕКА

да, видит, у одной хатки какая-то женщина развешивает белье.

— Что, тетушка, не пустишь ли меня пожить в твоей хате?—спросил Шевченко.

— А разве тебе негде голову приклонить?—спросила, в свою очередь, женщина.

— Да то-то что негде. Я бы вам заплатил после за это,—ответил Шевченко.

Женщина согласилась, и Шевченко поселился у ней в хате вместе с ее ребятишками.

Как-то, разбирая бумаги, Шевченко нашел несколько рублей денег, когда-то припрятанных и забытых им; недолго думая, он сейчас же отправился в город, накупил орехов, пряников, конфет, собрал со всего околотка ребятишек и устроил великое пиршество. Сам Шевченко сидел около хаты и наигрывал на губах малороссийские песенки, а ребята вокруг него кричали и танцевали...

Когда Шевченко жил у себя в деревне мальчиком, ему удалось от какого-то проезжего барина получить 20 коп. за вычищенные сапоги; как ни велик был соблазн истратить эти деньги на сласти, но Шевченко отдал их своему старшему нуждающемуся брату Никите. На похоронах Шевченка этот Никита вспомнил об этом случае и сказал: „Что за добрая душа была! Я его бил когда-то маленьким, и здорово бил! а он, покойный, отдал мне последнее!..“ Всякое горе было понятно чуткому сердцу Шевченка и всякая маленькая радость, испытываемая человеком несчастным, обиженным и слабым, была близка его душе, в которой соединилась нежность и мягкость с бурными порывами негодования. То он любовно и кротко описывал жизнь своей родины

ЭР03403

Вишневый садик возле хаты
Жуки над вишнями гудят;
Плуг с нивы пахари тащат,
И, распеваючи, девчаты
Домой на вечерю спешат.

* * *

Семья их ждет—и все готово
Звезда вечерняя встает,—
И дочка ужин подает,
А мать сказала бы ей слово
Да соловейко не дает.

* * *

Мать уложила возле хаты
Малюток, деточек своих;
Сама заснула возле них...
Затихло все, одни девчаты
Да соловейко не затих!..

(Перев Л. Мея.)

То гневно спрашивает даже самого бога:

А ты, всевидящее око,
Иль было ты тогда высоко
И не видало в серой мгле,
Когда закованными гнали
В Сибирь невольников святых?
Как вешали и распинали?
Ужель смотрело ты на них
И не ослепло? Око, око!
Не очень видишь ты глубоко!
Ты спишь в киоте, а цари..
Да чур, им, тем царям поганым!
Пусть кандалы в ночь до зари
Им снятся с звоном неустанным!..

(Пер. Ф. Гаврилова).

Вся поэзия Шевченко собрана в одну книгу, под названием „Кобзарь". Сам Шевченко с своей тяжелой горемычной жизнью, его страдающий под

ЭР03403

этом народ, его родная природа,—вот из чего состоит „Кобзарь". Каждая строка в этом „Кобзаре" обрызгана кровью сердца Шевченка; все в нем пережито, перечувствовано великой душою поэта. Стихи Шевченка и он сам—это неразрывное целое. Проследите его жизнь, прочитайте „Кобзарь", вы ясно это увидите: горячий юноша, видящий всю неправду жизни, весь гнет народа, бесправие, человеконенавистничество,—грозными стихами, как мечом, разит угнетателей, отступников, народных тиранов. Он сам на себе несет весь ужас крепостного права, но понимает свободу шире простого освобождения крестьян от крепостной зависимости, от власти помещиков. Он ненавидит и восстает не только против цепей крепостных, но становится борцом и против других цепей социального и политического характера. В поэмах „Сон", „Кавказ" и „Иван Гус" поэт ясно высказывает свою политическую веру, и эта вера простого крепостного мужика в свое время могла быть достоянием очень немногих глубоких умов России.

Второй период жизни Шевченка в неволе, полный оскорблений, беспросветного гнёта отразился во многих лирических стихах: грусть, щемящая тоска по родине, доходящая до отчаянья, до потери веры в будущее, трогательные воспоминания о друзьях,—все это запечатлено самыми задушевными стихами за этот период. Эти песни и думы названы „Невольничьими песнями". Хотя Шевченке и было строжайше запрещено *писать*, но душа его не могла этому подчиниться, потому что, как сказано поэтом:

Над вольной мыслью богу неугодны
Насилие и гнет,—
Она, в душе рожденная свободно
В оковах не умрет!!!

ЭР03403

Не умерли и порывы поэзии в душе Шевченка,— он писал тайком и все написанное хранил в „захалявных" книжечках, обделанных в кожу. Эти книжечки он прятал за голенищами сапог, отсю | и получилось название „захалявных" (халява голенище сапога). В музеях и посейчас хранятся эти книжечки.

В это время поэт уже не бичевал своими огненными словами своих притеснителей, словно считал, что они все сделали, чтобы вымотать из него душу и покончить с ним.

Но голос протеста не умер,—он снова воскрес, как только поэт очутился на свободе.

В третий, последний период после ссылки, Шевченко снова встрепенулся, словно орел расправил свои седые, медленные крылья, и снова из уст певца - пророка полились проклятия „царям—всесветным шинкарям", „тем несытым очам", которые грабили народ. Но в то же время Шевченко видел,— какая большая сила была у правителей, он, как будто терял веру в то время, когда настанет всеобщее братское царство на земле: он видел, что по-прежнему:

Люди бедные хиреют,
Цари ж растут, цари жиреют.

Но, как поэт, одаренный чуткой пророческой душой, говорил в минуты вдохновенья:

Час придет, и солнце встанет.
День за собою приведет,
И все гнетущее погибнет.
И снова правда оживет.
Уж всполошилися цари,
Так будет правда для земли!..

А за 3—4 месяца до смерти поэт уже определенно верил в то время, когда

ЭР03403

Люди сами
Сумеют справиться с царями,
Их к плахе сами повлекут...

Очень трудно говорить своими словами о поэзии Шевченка,—песни и думы великого Кобзаря Украины—это трепет его сердца.

„Выньте из груди сердце, чтобы изучить его трепет: оно перестанет жить, перестанет биться. Остается одно; приложить руку к груди поэта, остается самому читателю взять в руки „Кобзаря" и тогда только можно ясно почувствовать, какое там пламенное, какое благородное сердце бьется".— Так говорится в одном очерке о Шевченке.

Да, стоит взять „Кобзаря"—и облик поэта встанет ясно перед вами; раскроется вся его великая душа,—широкая, свободолюбивая, словно Днепр могучий, или степи бескрайные. В звуках его песен почувствуется жаркий южный день, послышится шопот высоких тополей с вольным степным ветром и вдохновенно-грустная песня Кобзаря,—певца народного,—про могилы - курганы, что стоят в степи, про героев, зарытых в них. Дух занимается от чтения стихов Шевченка и чувствуешь в душе силу великую на борьбу с неправдой людской, с угнетателями забитого, трудового народа...

Украинский народ давно оценил своего гениального певца и решил поставить ему памятник в Киеве. Была собрана народом достаточная сумма денег, но царское правительство всеми мерами тормазило постановку памятника, и вот Свободная Россия, по воле свободного народа, решила поставить памятник, в числе других борцов за свободу, и Т. Г. Шевченку в Москве. Памятник этот сделан талантливым скульптором С. М. Волнухиным

Ив. Белоусов

ЭР03403

Избранные стихотворения Т. Шевченка.

I

ДУМЫ.

Ой, вы, думы, мои думы,—
Горе, думы, с вами!
Что вы стали на бумаге
Хмурыми рядами?
Что вас ветер не развеял
Словно пыль степную?
Что вас горе не заспало
Словно дочь родную?
Горе злое вас на свете насмех породило;
Поливало вас слезами,—что ж не затопило?
Что не выбросило в море, не размыло в поле?
Не узнали бы, за что я проклинаю долю!..
Позабыли б меня люди,—вспоминать не стали,
„Делать нечего“!—с насмешкой мне бы не сказали!
Думы мои, думы мои,—
Сердцу дорогие,—
Для чего ж любил, лелеял
Вас, мои родные?
Кто ж над вами плакать будет
Здесь, на белом свете
Так, как я? Ох, думы, думы,—
Думы—мои дети!
Может быть, найдутся очи
С черными бровями

ЭР03403

Что, услышав вас, заплачут
Горькими слезами?
Мне не надо слез обильных,—
Мне слезинку надо,—
Буду пан я над панами—
Вот моя отрада!
Думы мои, думы мои,
Тяжело мне с вами!
Вы туда рвались, где очи
С черными бровями,
А за вами сердце рвалось,
Думы выливало,
Выливало, как умело,
Все, что прежде знало:
Темный вишнёвый садочек,
Словно море—ночи,
Ласки жаркие девичьи,
Черны брови, очи...
Степи, степи да могилы
Там—на Украине!..
Но о них молчит—ни слова—
Сердце на чужбине
И не хочет, чтоб собралась
В снежном поле рада
С булавами, с бунчуками
Славная громада.
Пусть же души запорожцев
Мирно там витают,—
Где простор степной начала
И конца не знает,
Как та воля, что минула...
Днепр широкий, милый,
Степь и грозные пороги
Горы и могилы,—
Там казацкая родилась

ЭР03403

Воля воспиталась;
Там шляхтою, татарвою
Поле засевалось.
Долго билась и, уставши,
Тихо опочила,
А над волей в это время
Выросла могила.
Сторожа могилу, черный
Там орел летает,
И кобзарь про волю людям
Песни распевает;
О былом он выливает
В песнях думы-грезы;—
Он от Бога дар имеет,—
Я же только слёзы
За родную Украину,
Плача, проливаю,
Как словами людям горе
Высказать, не знаю.
Горе, горе!—Что ж такое?
Кто его не знает?
Много слез оно на свете
Горьких проливает.
Тяжело живется в мире
С чуткою душою,—
Ад ему на этом свете,
А на том . . . . . .
Тоской

Не прикличу себе доли
А не дозовуся,
И над теми, кто смеётся,—
Сам я посмеюся.
Схороню тоску я в сердце,
Чтобы не видали
Горьких слёз и жалоб, смеха

ЭР03403

Люди не слыхали.
Пусть же дума, словно ворон
Каркая, летает,
А сердечко соловейком
Тихо распевает.
Пусть же льются горьки слезы
Дни и тёмны ночи,
Пока мне чужой землею
Не засыплют очи!
Так вот так-то! Что же делать?
Плачь не плачь—все то же.
Кто завидует несчастным—
Тех суди ты, Боже!

Думы мои, думы мои—
Думы, мои дети.
Где же я найду, родные,
Вам приют на свете?
На Украину идите—
Нашу Украину,
На задворки, к бедным людям,
Я же здесь загину!
Там любовь найдете, думы;
Там вас приласкают;
Там и правда!.. А, быть может,
Славой увенчают!..
Так прими же моих деток,
Родина святая,—
Приласкай их неразумных,
Словно мать родная!..

НВГНБ

ЭР03403

Н. В. Гоголю *)

Словно рой, за думой дума вылетает;
Одна душу давит, другая сжигает;
Третья—в сердце скрылась; слезы проливает
Тихо так, что Бог сам не слышит, не знает.
Где ж на свете человека
Мне найти такого,
Кто с приветом, лаской встретит
Великое слово?
Все оглохли, все в оковах,
Будто так и надо.
Ты смеешься, друг великий,
Слезы—мне отрада.
Не верну назад слезами
Я добра былого:—
На Украйне не придётся
Слышать пушек рёва.
Не убьет и не зарежет
Снова батько сына,
Чтоб жила в чести и славе

*) Перевод этого стихотворения в сокращенном виде был помещен в „Кобзаре", издан. „Знанием". В автографе, найденном в Департаменте Полиции, имеется приписка рукою Шевченка карандашом: „Н. Гоголю"... Словами: „не убьет и не зарежет снова батька сына" Шевченко намекает на то, как герой поэмы „Гайдамаки"—Гонта, зарезал своих двух сыновей за то, что они происходили от матери-полячки

ЭР03403

Вольно Украина.
Не зарежет, а вырастит
Из него солдата,—
Это будет вдовья лепта
И рабская плата.
Пред отечеством, престолом
Будет он склоняться,—
И пускай, брат,—а мы будем
Плакать и смеяться...

„Еретик" или „Иван Гус"

I.

Кругом неправда и неволя,
Народ замученный молчит;
А на апостольском престоле
Монах упитанный сидит.
Людскою кровью он торгует,
Рай по частям он продает...
Твоя, о, Боже, воля всуе;
Когда же суд твой к нам придет?
Разбойники, людоеды
Правду всю забрали,
И Твою святую волю,
Славу осмеяли...
В кандалах страдают люди,
Нет им сил подняться,—
Расковать свои оковы,
Вместе всем собраться;
За обиженных, за правду
Грудью встать могучей...
Боже, выйдет ли к нам солнце
Из за темной тучи?
И настанет ли великий

ЭР03403

Час небесной кары?
И падет ли власть над миром
Гордой той тиары?
Мы б ее разбили...
Боже!
Не для мести, муки,
Ты пошли благословенье
На слабые руки,
На уста, а чтоб промолвить
Праведное слово;—
Может быть, Тебя услышат
Бога Всеблагого?..
Так думал в келье Гус правдивый,—
Людей задумал расковать—
Людей замученных—и диво,
Святое диво показать
Очам незрячим...
„Поборюсь!
За правду Бог! Да совершится"!
И в Вифлеемскую каплицу
Пошёл молиться верный Гус!

II.

Папская булла

„Во имя Господа Христа,
Распятого за наши прегрешенья,
И всех апостолов святых
Даем мы буллой отпущенье,
И разрешаем все грехи
Рабыне Божьей, что ходила
По улицам, в шинках пила
И в кельях пьяная грешила
Она сама добыла

ДБГБ

ЭР03403

И буллу купила
И очистилась"... О, Боже,
Великая сила!
Великая слава! Взгляни на людей,
Как много тяжелых ты мук посылаешь,
За что ж пропадают? За что же караешь
Своих непокорных, но добрых детей?
За что же закрыл Ты их добрые очи
И разум окутал ночной темнотой?
Проснитеся, чехи! И очи откройте!
Проснитесь! День новый встает над землей!
Расправьте руки, будьте люди,
А не насмешкой чернецам.
Разбойники, надев тиары,
Всё потопили, всё забрали,
Как взяли у Москвы татары,
А нам незрячим передали
Свой догмат,—казни да пожары,
Всё зло на свете,—войны, свары
И адских мук бескрайный ряд,
Да кучи дезичьих ребят!
Вот в чем их догмат; вот их слава!
Святым положено конклавом,—
Кто, буллу не купив, умрет,
Тот прямо в пекло, в ад пойдет,
Но чья за буллу вдвое плата —
Тот, хоть зарежь родного брата,
Не папу лишь, не чернецов,—
И прямо в рай без лишних слов...
Уж вор стал вора грабить в церкви,
Забывши братство и любовь.
Когда ж насытитесь вы, гады,
И перестанете пить кровь?
Не мне, о, Господи, простому
Судить великие дела

ЭР03403

И Сам Ты, знаю я, невинным
Не посылал, не делал зла...
И плакал Гус, творя молитву,
И тяжко плакал. Люд молчал,
Глядел со страхом: что он делал?
На что он руку поднимал?
—„Смотрите люди!—Вот вам булла,
Что я читал“!—И показал
Перед народом. Все вздрогнули:
Иван Гус буллу разорвал...
Из Вифлеемской той каплицы
До римских стен, вплоть до столицы
Гремело эхо и неслось,
И наклонилася тиара,
Когда в конклаве отдалось...
Зашептались монахи,
Вместе собрались;
Зашептались антипапы,—
Стены затряслися
От шопоту. Кардиналы,
Словно змеи, вьются
Вкруг тиары, да тихонько,
Как коты грызутся
Из-за мыши. Так вот так-то!
Видно сберегали
Только шкуру! А почуяв,
Как загоготали
Гуси в Праге,—порешили
Страху не даваться
И судить в Констанце Гуса
Вместе всем собраться,
Да кругом поставить стражу,
Чтобы не дремала,
Улететь к славянам птицу
Эту не пускала

ЭР03403

III

Словно вороны, монахи
Поле всё покрыли,
И толпами через степи
В Констанц повалили:
Бароны, герцоги, вся знать,
Псари, герольды, шинкари
И трубадуры-кобзари,
Змеею потянулась рать,
За герцогинями холопы,—
Кто с соколами на руках.
Бежит, торопится—кто пешим,
А кто верхами на ослах,
Так гадов тянет к солнцепёку...
О, чех великий! Сосчитать
Не сможешь вражескую силу!
Как на неверных встала рать
Иль на великого Аттилу..,
А в Праге глухо гомонят:
И Цезаря, и Вячеслава,
И весь собор тысячеглавый
Ругают явно,—не хотят
Пускать в Констанц Ивана Гуса
„Жив Бог! Жива душа моя!
„Я смерти, братья, не боюся
„И покажу я тем змеям
„И вырву их несыто жало!.."
Так чехов славная семья
Ивана Гуса провожала.
День встает; Констанц весь тонет
В колокольном звоне.
Собралися кардиналы.
Как быки в загоне.

ЭР03403

И прелаты набежали
Как потоки лавы,
И три папы, и баронство,
И венчанны главы.
Так когда-то иудеи
Христа присуждали
К смерти крестной. Гомонили,
Спорили, кричали,
Будто в таборе татарском
Иль в еврейской школе.
Вдруг всё разом замолчало...
Словно кедр средь поля
Гус, гремя цепями, смело
Встал перед собором.
И окинул нечестивых
Он орлиным взором;
Затряслися, побледнели,
Молча озирали
Мученика.

„Для чего же
„Вы на суд позвали?
„Для того, чтобы послушать
„Как звенят оковы?“
Словно гады зашипели,
Звери заревели:
—„Замолчи! Ни слова!..
„Еретик ты! Еретик ты!
„Ты раскол заводишь,
„Усобицу рассеваешь!
„И святейшей папской воли
„Ты не принимаешь,—
„Знать не хочешь! Одно слово—
„Богом ты проклятый!
„Еретик ты! Еретик ты!
Ревели прелаты

ЭР03403

„Ты усобник! Одно слово—
„Ты всеми проклятый!!!..
Гус на пап взглянул и молча
Вышел из палаты.
„П бороли! Побороли!“
Словно очумели—
„Казнь огнем ему злодею!..“
Разом заревели.
Напролет всю ночь монахи
С герцогами пили,
Сьяна Гуса проклинали...
Вот и зазвонили.
Рассвело уж—и монахи
В храм пошли молиться
За Ивана Гуса. Солнце
Стало золотиться,
Из-за гор смотреть, что скоро
Будет здесь твориться.
Звон гудит, гудит и льется...
Связанного Гуса
Подвели к костру в оковах;
И не ужаснулся
Пред огнем—взошёл с молитвой
На костер горящий.
„Что ж Твоим я людям сделал,
„Бог животворящий?
„За что меня осудили?
„За что распинают?
„Люди добрые! Молитесь!
„С вами тоже будет!
„Вон уж волки в овчих шкурах
„Когти распустили...
„Не спасёшь ись. Разольется
„Кровь, дымясь как море,
„Кровь детей, потомков ваших...

ЭР03403

„О, горе! О, горе!
„Вон они там в ясных ризах"
Очи заблестели..
„Поджигайте!"
„Это крови..."
„Жги скорее!"
—„Вашей захотели!.."
Не докончил он и дымом
Праведного скрыло.
—„Молитеся! Молитеся!
„Господи помилуй!..
„Прости Ты им, ведь, не знают..."
Больше не слыхали
Слов святого. Как собаки,
Чернецы стояли
У костра: чтобы не выполз
Он змеёй из жара,
Не заполз бы на корону
Или на тиару...
Догорел костер—и ветер
Пепел, тихо вея,
Уж разнёс. Кто то видел
На тиаре змея.
Вот монахи собрались
И „Te Deum" слели,
А потом пошли обедать
И спокойно ели
От еды опухли даже...
Малою семьею
Пришли чехи, взяли землю
И с тою землею—
Вместе с пеплом — пошли в Прагу.
Так вот осудили
Чернецы Ивана Гуса,
Правды ж не спалили,

ЭР03403

И не знали, что вылетит
Он орлом из тучи,
А не гусем—и тиару
Расклюет могучий...
Нет им дела; —разлетелись,
Словно те вороны,
Пир окончивши кровавый.
Чернецы, бароны
Стали жить в своих хоромах,
Ничего не зная,
На пирах порой „Te Deum"
Громко распевая...
Все покончено.
Но стойте,—
Вон над головою
Старый Жижка с Таборова *)
Махнул булавою!..

---

*) Иоанн Жижка — предводитель гусситского восстания умер в 1424 г. в 1874 г. ему поставлен памятник в Пи... близове.

ДВГНБ

ЭР03403

Кавказ.

(Якову де-Бальмену)[*]

За горами горы—тучами повиты;
Засеяны горем, кровию политы.
Спокон века Прометея
Там орел карает;
Каждый день долбит он ребра,
Сердце разрывает.
Разрывает, да не может
Выпить кровь живую,
Вновь смеется сердце, чуя
Силу молодую.
Не умрет и наша правда,
Не умрет и воля,—
И завистливый не вспашет
На дне моря поля.
Не скует души живой ея
И живого слова;
Не унизит славы Бога
Господа Святого.

---

*) Яков де-Бальмен, которому посвящено это стихотворение, украинец, потомок французской фамилии, принятой [illegible] в бою с черкесами на Кавказе.

ЭР03403

Не нам с Тобою спорить, Боже,
Не нам дела Твои судить:
Нам только плакать, плакать, плакать
И хлеб насущный свой месить
С кровавым потом и слезами
Смеются палачи над нами,
А правда наша пьяной спит.

Ах, когда же она проснется?
И когда Ты отдохнуть
Ляжешь, Боже, утомленный,
Вольно дашь и нам вздохнуть?
Мы веруем Твоей силе
И духу живому:
Встанет правда, встанет воля—
И Тебе, Святому,
Поклонятся все языки
Во веки и веки;
А пока что—текут реки,
Кровавые реки.
За горами горы—тучами повиты.
Засеяны горем, кровию политы.
По „Нашей Милости“ вот так
И воля ваша запропала.
Хоть за нее легло костьми
Людей муштрованных немало
А слез? А крови?—Напоить
Всех императоров бы стало,
Детей и внуков!.. Утопить
Во вдовьих слёзах! А девичьим
Слезам, пролитым по ночам,
И меры нет!.. А слез кровавых
Отцов и маток ваших старых,—
Горячих, жгучих этих слёз,—
Не реки—море разлилось,

ЭР03403

Огнем цілающее море!..
Слава, слава, слава вам—
Борзым и гончим, и псарям,
И нашим батюшкам царям,
Слава!
Слава вам—горам высоким,
Вечным льдом покрытым!
И вам—рыцарям великим,
Богом незабытым!
Боритеся,—поборете,
Вам Бог помогает.
За вас сила, за вас воля
И правда святая!..
И хлеб, и сакля—все твое,
Тебе все это Бог дает;
Никто его и не отнимет,
И в кандалы не закует.
У нас,—на то мы и учены,
Читаем Божии глаголы,
И от тюрьмы и до престола
Мы все и в золоте, и голы
И вас мы можем научить,
Почем и где хлеб-соль купить.
Мы христиане: храмы, школы
И все добро, сам Бог у нас.
Нам только сакля очи колет,—
Зачем она стоит у вас?
Зачем ваш хлеб мы не кидаем,
Как псам голодным вам? Зачем,
Что солнце светит вам и греет,
С вас податей мы не берем?
Не многого, ведь, мы желаем,
А лишнего и не возьмем;—
Христа мы свято почитаем
И сыты малым мы бываем

ЭР НБ

ЭР03403

Вот если б с нами подружились
Вы многому бы научились
Одна Сибирь у нас без края,
А сколько тюрьм кругом стоит!
От молдаванина до финна
На всех языках всё молчит,—
Знать, благоденствует!.. У нас
Святую библию читает
Святой чернец и поучает,—
Какой-то царь, свиней, вишь, пас:
И полюбил жену он друга;
Его убил,—она ж потом
Была царю жена-подруга.
Теперь сидит на небе он!
Смотрите же, какой закон
У нас царит! Еще вы тёмны,
Святым крестом не просвещёны,
В науку к нам! У нас дери,—
Дери да дай.—
И прямо в рай,—
И хоть родню всю заберя!
У нас, чего мы не умеем!—
Считаем звезды, гречку сеем,
Браним французов. Продаем,
А то и в карты проиграем.
Людей—не негров, а таких,
Людей крещеных, но простых
Мы не испанцы,—Бог помилуй,
Чтоб у воров добро скупать,
Как те жиды. Мы по закону...
Как апостол заповедал,
Любите вы брата?
Суесловы, лицемеры,
Господом прокляты!
Вам люба на брате шкура,

ЭР03403

Не душа живая!
По закону эту шкуру
С брата вы сдирая,
Отдаёте милой дочке,
Чтобы шубу сшила
И жене, чтобы ботинки
Новые купила.
На приданое побочным
Деткам пригодится;
А себе на то, что втайне
От семьи хранится
За кого ж Ты принял муки,
Христе, Сыне Божий?
За нас добрых? Иль за правду—
Истины? Иль может,
Над Тобой же поглумились?
Так оно и сбылось:
Часовни, храмы и иконы,
Ряды свечей и мирры дым,
И перед образом Твоим
В поту лица кладём поклоны
За кражу, за войну, за кровь.
Чтоб брата кровь пролить, мы просим,
Потом Тебе же в дар приносим
С пожара краденый покров.
Просветясь, других желаем
Светом Божьим этим
Просветить. Открыть неврячим
Солнце правды детям.
Всё покажем, только дайте
Нам себе вас в руки взять;
Мы научим тюрьмы строить
Цепи крепкие ковать,
Как носить их, как плести
Узловатые кнуты

ЭР НБ

ЭР03403

Всё покажем, только дайте
Ваши горы нам забрать,
Что остались,—ведь, успели
И поля, и море взять!..
И тебя загнали, друг ты мой единый,
Яков, друг мой милый. Не за Украйну,
За того, кто волю у нее украл,
Праведную кровь ты, друг мой, проливал.
Из московской чаши выпил ты отраву,
И стяжал на веки вечную ты славу.
Живи же в отчизне бессмертной душой!
Летай с казаками по-над берегами,
Будь сторожем славы Украйны родной!
И плачь с казаками святыми слезами,
И жди—из неволи вернусь я домой!
А пока что—мои думы,
Мою злую долю —
Буду сеять—пусть ласкает
Ветерок их в поле.
Ветер тихий из Украйны
Донесет с росою
До тебя, мой друг, те думы,
С братскою слезою,
И с приветом, и с любовью
Ты читать их станешь,—
И могилы, степи, горы
И меня вспомянешь!..

ЭР03403

Мертвым, и живым, и ненарожденным землякам моим, в Украйне и не в Украйне находящимся, мое дружеское послание

(Отрывок.)

Солнце всходит и садится,
Божий день проходит,
И уставший, утомленный
Люд покой находит;
Только я, как окаянный,
День и ночь все плачу,—
Окружен толпою шумной
Даром слёзы трачу,—
Видеть их никто не хочет,
Словно и не чуют,
И, оковами меняясь,
Правдою торгуют;
И людей в ярмо впрягают,
Бога унижают,
Пашут ими и бедою
Поле засевают.
А что будет?—Посмотрите,
Что там выйдет в поле!
Опомнитесь, недолюбки,

ЭР03403

Цепи злой недоли!..
Другой Украйны нет на свете
Другого нет нигде Днепра!
А вы стремитесь на чужбину
Там добывать себе добра,—
Добра святого, братства, воли,
Любви и истины... Нашли,—
Несли, несли с чужого поля
И в Украйну принесли
Одни слова!—Слова—и только;
А кто из вас нам не кричал
Что вы—избранники, пророки,
Что сам Господь вас к нам послал
Не для того, чтоб пред неправдой
Склонялись головы у вас!
А гнетесь вы, как гнулись прежде,
Дерёте шкуру также с нас,
С людей и темных, и убогих....
Оглянитесь! Или скоро
К вам беда нагрянет:
Люд порвёт свои оковы
И свободный встанет.
Суд придёт,—и Днепр, и горы
Скажут вам—о, горе!.
Кровь реками разольется
И польется в море.
Брат от брата отречется;
Мать свою родную
Не признает сын в ту пору—
В ту годину злую.
И дым тучею закроет
Солнце перед вами,
И навеки проклянетесь
Вашими сынами!..
Умойтеся, образ Божий

ЭР03403

Грязью не скверните.
Господами быть над нами
Деток не учите.
Будет время—правда Божья
В душу им заглянет
И суда, расправы грозной
День для них настанет.

1845 г. 14/VII

* * *

Когда б вы знали, господа,
Как у людей царит беда,
То вы б элегий не творили,
Напрасно б Бога не хвалили,
На наши слёзы смеючись...
За что, не знаю, называют
В лесу шалаш иль хату раем?
Я в хате мучился и рос,—
Там много слёз пролить пришлось,
Тех первых слез.—И я не знаю,
Иль есть еще у Бога зло,
Чтоб в этой хате не жило?
А хату раем называют!
Я так ее не назову;
Никак я рая не найду
В той бедной хате у пруда,
Где я родился. Повила
Меня родная; повивая
И в песне горе изливая,
В меня влила тоску свою
И в этой хате, в том раю,
Я видел ад: нужда, неволя

ЭР03403

Работа тяжкая, недоля
И помолиться не дают.
Там мать родимую мою
Взяла безвременно могила,—
Нужда с работой уложила...
С малютками остался с нами
Отец наш, бедный человек;
Не вынёс он тяжелой доли,—
На барщине свой кончил век.
Мы расползлись, как мышенята,
Пустой осталась наша хата.
Я в школу отдан был, и там
Носил я воду школярам.
А братья барщину справляли,
Пока в солдаты их не сдали.
А сестры, сестры! Молодые
Мои голубки!.. Горе вам!
Какой надеждой вы живёте?
Росли вы по чужим дворам,
В работницах, то здесь, то там,
С ст ревшись, так и умрёте.
И страшно мне, как только вспомню
Я нашу хатку, кр й села...
Т к вот. Господь Ты наш, какие
Творим мы здесь, в раю, дела!
Здесь на земле Твоей святой
В ад превратили рай земной!
Т перь небесного желаем.
А сами с братьями живем,
И поле братьями орём,
И их слезами поливаем.
Еще, быть может, что... Не знаю...
И мне слается: будто сам,
От нас вознесшись к небесам,
Смеешься, батюшка, над нами

ЭР03403

И держишь суд там с господами
Как править миром всем.

. . . . . .

. . . . . А там
Лесок на горке зеленеет,
А из-за леса чуть виднеет
Прудок, белея полотном
И вербы тихо над прудом
Склонили ветви,—рай кругом!
И хорошенько посмотри,
Что там творится,—там внутри?..
Тебе единому хвала
За дивные твои дела...

. . . . . .

Увы, я ничему святому
Хвалы не буду воздавать,
А с кровью сердца и с слезами
Хулу я буду изливать.
Хула всему! Кругом найдется ль
Хоть пядь одна святой земли?
Сдается, что Творца-владыку
Давно уж люди прокляли!..

1850 г.
Оренбург.

ДВГНБ

ЭР03403

Сон *).

(Отрывки из поэмы).

I.

Вот бреду и всюду вижу
Я дворцов громады.
Над свободною, широкой
Тихою рекою.
Берег весь реки обложен
Каменной стеною.
Как же в том гнилом болоте
Чудо совершилось?
Без ножа должно быть крови
Много тут пролилось!
Через речку крепость, церковь
С колокольней тонкой,
Как иголка заостренной...
Бой часов там звонко

*) В поэме „Сон" Шевченко рассказывает, как он видел во сне, что попал в какой-то неведомый город (Петербург) и сделавшись невидимкой пробрался во дворец на парадную залу.

ЭР03403

Раздается. Оглянулся,—
По скале гранита
Без седла несется всадник,—
Голова открыта;
Свитка плечи покрывает,
Или что другое?
Голова в каких-то листьях,—
Что это такое?
Конь, как бешеный,—вот речку,
Вот-вот перескочит;
Всадник руку простирает,
Словно мир весь хочет
Сжать в кулак. Вот подхожу я,
Подпись разбирая.
Что насечено на камне:
„Первому—вторая“—
Это диво поставила.
Ну, теперь я знаю:
Этот „Первый“,—распинал он
Нашу Украину,
А „Вторая“ доканала
Вдову-сиротину.
Палачи и людоеды!
Наелись вы двое,
Понакрались, а что взяли
На тот свет с собою?

II

Сделался
Снова невидимкой
И протискался в палаты
Боже мой единый!

ИР НБ

ЭР03403

Вот он рай-то!.. Блюдолизы
Золотом залиты...
А вот и „Сам“ *) появился—
Высокий, сердитый
Выступает. А с ним жёнка,—
Жизни в ней немного:
Как оленок засушеный—
Тонка, долгонога,
Да к тому еще, бедняжка,
Трясет головою...
Так вот она та богиня!
Горюшко с тобою!
Не пришлося быть знакомым
Мне с твоим портретом
И поверил тупорылым
Я твоим поэмам.
Вот так дурень,—еще битый,
Только, знать, не в меру.
И читай, что написали,
И имей им веру!..
Все вельможи; на вельможах
Серебро и злато;
Словно свиньи,—чуть не лопнут—
Мордасты, пузаты.
Аж потеют, а всё лезут
„До самих“ добраться,—
Может милости великой
Придется дождаться:
Может быть и удостоят
По милости божьей
Дать пинка, или хоть смажут
По самой по роже,
Несовсем, то хоть немного

*) Николай I.

ЭР03403

Ждут, чтобы задели—
И стоят они рядами
Словно онемели.
И ни звука!.. Царь невнятно
Лопочет,—царица,
Словно цапля между пташек,
Скачет и бодрится...
Как сычи они надуты,
Меж вельмож гуляют,
Издалёка мне не слышно,
Что-то рассуждают.
Об „отечестве" должно быть,
Да новых петлицах,
Маршировках и парадах...
А потом царица
Молча в кресло опустилась.
Вижу я тут, что же?
Царь к вельможе вдруг подходит
Да его по роже,
Как ударит! Тот другого,
А другой—меньшого,
А меньшой всех без разбора
Стал лупить для смеха,
Шум на улицах и свалка,—
И пошла потеха!
Крик—„ура"! повсюду слышен,—
Весь народ мятется:
Царь наш батюшка гуляет!
Словно вопль несется!..

РГНБ

ЭР03403

Подражание Иезекиилю

Восплачь, пророче, сыне божий,
И о князьях, и о вельможах,—
Владыках всех, их вопрошая:
Зачем мать ваша—псица злая—
Со львами дружбу завела?
И вас, щенят, лихих и злобных
На божий свет произвела?
И множила вас всех проклятых!
Потом из вас—щенят зубатых,
Львы выросли! И вы людей,
Незлобных, праведных детей,
Как коршун, слабых кур дерёт.
Клюете бешено и рвете!
А люди видят и молчат...
И, наконец, один из львят
Попался им;—его связали,
В оковы крепко заковали,
В Египет, в каторгу сослали
А мать пустила им тогда
Еще сердитее другого:
Не слышит плача он людского
И жрет деревни, города.
От рева вся земля дрожала,
Тряслась и в страхе трепетала

ЭР03403

И этот лев был полонен
И сослан в дальний Вавилон
К тюрьму его там засадили
И челюсти ему скрутили,
Чтобы не слышно было рёва
Царя несытого земного,—
Самодержавного...

Идут,
Текут обычной чередою
Дни беззакония и зла,
А львы, предавшися покою,
Судьбы не знают брата—льва.
Растут, как лозы, уповают
На корень свой—уже гнилой.
И слабосильный... Ветер с поля
Дохнет широкою волной
И вихрем грозно пронесется,
Сомнет—и ваше своеволье,
В крови своей же захлебнется.
И, вместо львиного рычанья,
Услышат люди лишь стенанья
И горький, и бессильный плач.
И долго будет стон носиться,
Потом он в притчу обратится,
Самодержавный этот плач...

1859, 6. XII.
Петербург.

ЭР03403

А. О. Козачковскому *)

Давно то было—вспоминаю,—
Я у дьячка в учёбе был,
И как-то раз пятак тихонько
Я у того дьячька стащил.
(Я был так беден и несчастен,—
Ходил босой и чуть не гол!)
Купил бумаги, книжку сделал,
Листки рисунками обвел,
„Сковороду", „Царей с дарами"
Тайком я в книжечку писал
И плакал горькими слезами
В бурьяне, чтоб никто не знал.
И вот опять пришлось таиться
Под старость с музою своей,
В бурьяне прятаться и плакать,
Скрывая думы от людей.
За что ж меня Господь карает?
Я в школе мучился и рос,

*) А. О. Козачковский—врач Переяславской духовной семинарии,—старый приятель Шевченка. К нему Т. Г—ч писал из ссылки: «Живу я, можно сказать, жизнью публичною, сиречь в казармах. Муштруюсь ежедневно, хожу на караул и т. д. Одно слово, солдат, да еще солдат какой—просто пугало воробьев»

ЭР03403

Седеть я в школе начинаю,
А научиться не пришлось!
Так неученым и схоронят.
Господь меня не возлюбил
За то, должно быть, что когда-то
Я у дьячка пятак стащил.
Так вот, видишь ли, мой голубь,
Как живу, страдаю,
Как я мучаюсь в неволе,—
Век свой доживаю.
Научи своих ты деток,
Чтоб писать боялись;
Научи, чтоб смалолетства
С музою не знались!
А уж если так случится,—
Надо покориться:
Пусть он пишет в уголочке,—
От людей таится,
Так, чтоб Бог не знал, и ты сам
Чтоб про то не ведал,
Чтоб под старость моей доли
Сын твой не изведал!
Как вор, тайком я за валами
Прокрадусь в праздник, выйду в поле,
И проберусь я по Уралу,—
И выйду в степь, вздохну на воле.
И забитое, больное
Сердце встрепенется,
Словно рыбка над водою...
Тихо усмехнется.
Полетит оно голубкой
По-над чужим полем,—
И я словно оживаю
На поле, на воле.
И на гору высокую

РГНБ

ЭР03403

Выхожу, любуюсь,
Вспоминаю Украину,
Вспоминать боюсь!
И там степи, и тут степи.
Да тут не такие,—
Ржавы, ржавы, даже красны.
А там—голубые,
Перерезаны межами,
Нивами полями,
Высокими могилами,
Темными лугами.
А тут бурьян да гладь степей,
И хоть бы насмех где могила
О давнем-давнем говорила...
Здесь будто не было людей!
Спокон веков, да и доныне
Никто и не жил в той пустыне.
Но мы ее таки нашли
И крепости там возвели,
А скоро будут и могилы:
У нас на всё хватает силы!
О, моя доля, моя Украина,
Когда же я эту пустыню покину,
Или может (спаси Боже!)
Тут я и загину,
И тень покроет родное поле.
„Ай-да! в казармы! Ай-да в неволю!"
Как будто крикнет кто надо мною,
И я опомнюсь... И за горою,
Как вор, крадусь я за валами
Пустыней голой с ее песками.
Так праздник Светлый
Я здесь встречаю,
Конца мученьям,
Мой друг не знаю!

РВГБ

ЭР03403

Наступит ночь в смердячей хате
И думы грустные придут,
Больное сердце и надежду
И все на свете разобьют.
Задержат ночь,—часы годами
Веками глухо потекут,
И я постелю омочу
Не раз кровавыми слезами.
Не отчаяние в неволе
В ночи слёзы точит;—
Мой великий грех наружу
Вырваться всё хочет,
Только жаль покинуть душу,
С нею жаль расстаться.
Страшно мне, мой друг душевный
Смерти дожидаться!..
И я считаю дни и годы,—
Когда и где кого любил,—
И никого не нахожу я,—
Как будто по лесу бродил!
Была и воля, была и сила,
Да силу я взаймы отдал,
А воля в гости всё ходила,—
Там напилась—и след пропал!
Прошу я Бога, чтоб рассветало,
Как воли, солнца, света жду.
Сверчёк замолкнул, пробили „зорю"
Я на позорище иду:
Седого дурня учиться строю
И муштровать его ведут,
Чтоб знал, как волю держать в почете
Чтоб знал, что дурня повсюду бьют!
Так день за днем идет, проходит,
Конца я края не дождусь.
Так жизнь пройдет, и так, быть может
И перед Богом я явлюсь

РНБ

ЭР03403

И доли я не проклинаю,
Творя молитву лишь свою:
„Не дай, о, Милостивый Боже,
Мне умереть в чужом краю!"
Проходят годы молодые;
Надежды нет. Кругом темно;
Как прежде, гнет тяжёлый давит
И сердце муками полно.
А может быть, дожить придется.—
Надежда в душу мне вернется,—
Я из Днепра воды напьюсь
И вновь с тобою обнимусь,
В твоей уютной, тихой хате,
Быть может, снова появлюсь
И заведу с тобой беседу...
Но верить этому боюсь.
Все это сбудется ль когда?
Или придется с того света
Украйну видеть? Для себя
Не жду желанного ответа.
Порою не хватает слёз,
Как смерти я тогда желаю!
Но грустно, что в последний миг
Украйны я не повидаю.
Надежда светлая в груди
И ты, и Днепр в родной отчизне
Молить мне Бога не дают
Конца бездольной, горькой жизни!

1847 г.
Орская крепость.

ИВГНБ

ЭР03403

* * *

Невзгоды ль жизни, иль неволя,
Иль пережитые года
Разбили душу? Иль быть может,
Я ею не жил никогда?
Я душу чистую опошлил,
Живя средь пошлости людской;
Смеясь же люди называют
Ее до сих пор молодой
И непорочной, и святой,
Еще какой-то, - не знаю...
О, люди! Лживый род людской,
Мне душу чистую не вы ли
Так загрязнили, осквернили,
Что я теперь уж позабыл,
Как чистым я когда-то был!..
И вы с небес меня сманили,
По-своему писать учили;
Вы тяжкий камень положили
Мне на дороге, и разбили
О камень сердце. Без пути
Куда же мне теперь итти?
Теперь без цели я скитаюсь,
Себя и вас, и всё кляня;
Иду с трудом и спотыкаюсь,
А вы смеетесь на меня!..

ЭР03403

И плачу горькими слезами,—
Смеюсь и плачу я с тоской—
И над собою, и над вами,
И над погибшею душой!..

1850 г.
Оренбург

ДВГНБ

ЭР03403

* * *

И тут, и там, кругом погано!
Душа моя проснулась рано,
Напряла мало и легла,
А воля душу стерегла.
„Проснись и волю дай слезам,—
Не выйдет больше солнце к нам,
Не будет правды на земле—
И все потонет в темной мгле“...—
Так говорила воля мне,
И было страшно в тишине...
Но час придет—и солнце встанет
День за собою приведет,
И все гнетущее погибнет,
И снова правда оживет.
Уж всполошилися цари,
Так будет правда для земли!

1860 г. 30, X.
Петербург.

РВГНБ

ЭР03403

Завещание.

Как умру—похороните
На Украйне милой;
Пусть курган в степи широкой
Будет мне могилой.
Положите так, чтоб видел
Я луга и кручи,
Чтобы слышал, как волнами
Днепр ревет могучий...
Как польется по Украйне
Вражья кровь рекою,—
Вот тогда-то поднимусь я,
Оживу душою.
Буду Господа молить я
Дать родному краю
Вольной воли,—до того же
Бога я не знаю!
Схоронивши, поднимайтесь,
Цепи разорвите;
Злою вражескою кровью
Волю окропите.
И меня в семье великой,
В братстве вольном, новом
Помянуть не позабудьте
Добрым, тихим словом.

1845 г. 5 XII
Переяслав.

ДВГБ

ЭР03403

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
Т. Г. Шевченко. Очерк.—**И. Белоусова.**	5
Избранные стихотворения в переводе—**И. Белоусова.**	
Думы.	23
Н. В. Гоголю.	27
Еретик.	28
Кавказ.	37
Мертвым и живым.	43
Когда б вы знали, господа	45
Сон.	48
Подражание Иезекиилю.	52
Козачковскому.	54
Невзгоды ль жизни.	59
И тут, и там—кругом погано.	61
Завещание.	62

ДВГНБ

ЭР03403

Д-В. К[illegible]
Научная
БИБЛИОТЕКА

БИБЛИОТЕКА
ХАБАРОВСК. КРАЕВОГО
ГОС. МУЗЕЯ.

ДВГНБ

ЭР03403

ДВГНБ

ЭР03403

Цена 1 руб. 50 коп.

ДВГНБ

Склад Издания:
Центральный Книжный Склад Московского Совета Р. и К. Д.
Кузнецкий Мост, 1.

10-ая Государственная Типография.

ЭР03403